

Елена К.

**«Горизонт
событий:
что
остаётся
после**

Елена К.

**«Горизонт событий: что
остаётся после падения»**

«Автор»

2026

К. Е.

«Горизонт событий: что остаётся после падения» / Е. К. —
«Автор», 2026

Кира, астрофизик, которая работала в команде, пытавшейся «смоделировать» поведение чёрной дыры в лаборатории. Её наставник погиб при неудачном эксперименте. Теперь Кира понимает: они не просто моделировали чёрную дыру — они приоткрыли дверь в нечто, что подчиняется законам, которые человечество ещё не готово осознать.

Содержание

Глава 1. Тень, которая двигалась не туда	6
Глава 2. Часы, которые пошли назад	8
Глава 3. Точка ветвления	10
Глава 4. Сингулярность внутри	13
Глава 5. Цена утечки	16
Глава 6. Горизонт событий и то, что за ним	20
Глава 7. Тихий сбой и шрамы реальности	21
Глава 8. Язык уравнений и язык боли	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена К.
**«Горизонт событий: что
остаётся после падения»**

Вы держите в руках не просто книгу — это карта по опасной территории, где наука встречается с тревогой, а точность формул — с хрупкостью человеческого выбора.

Глава 1. Тень, которая двигалась не туда

Кира шла по коридору подземного уровня лаборатории, и тишина давила на уши так, будто кто-то специально выкрутил громкость мира в ноль. Здесь, на минус третьем, даже воздух был другим — густым, как сироп, и пах озоном, будто только что прошла гроза, хотя над городом уже трое суток висела сухая, злая жара.

Она не любила этот этаж. Не из-за камер и не из-за пропусков, которые вечно глючили у лифта. А из-за того, что здесь стены будто подслушивали. Каждый шаг отдавался не эхом, а чем-то странным — будто звук возвращался чуть раньше, чем должен был. Кира давно перестала списывать это на акустику. После того, что случилось с отцом, она вообще перестала многое списывать на «обычные вещи».

Сегодня её сюда притащила не интуиция и не долг, а цифры. На мониторе в её кабинете график вдруг пошёл не вверх и не вниз, а вбок — словно время решило взять отпуск и пойти погулять по другой оси. Сначала она подумала, что сломался датчик. Потом — что кто-то шутит. Потом вспомнила слова отца: «Если время начинает танцевать, значит, кто-то дёргает за ниточки».

В конце коридора, у двери с маркировкой «Экспериментальный модуль 7», тень легла неправильно. Не от лампы. Не от её фигуры. А сама по себе. Она была чуть темнее, чуть плотнее, и двигалась не вслед за светом, а навстречу ему.

Кира остановилась. Сердце ударило раз, потом второй, и на третьем ударе тень повернулась к ней. Это было невозможно. Тени не поворачиваются. Они не имеют лица, не имеют намерения. Но эта будто знала, что за ней наблюдают.

На три секунды всё замерло. Даже запах озона застыл в воздухе, как капля чернил в воде. Потом тень рассыпалась на полосы света — не как отражение, а как помехи на старом телевизоре, когда канал теряет сигнал. И в этот миг Кира услышала звук. Тихий, едва уловимый, похожий на шёпот, который идёт не из воздуха, а изнутри головы.

«Информация не исчезает», — прошептал в её памяти голос отца. «Даже за горизонтом событий остаётся след. Вопрос только в том, кто готов его увидеть».

Дверь модуля открылась сама. Не щёлкнуло реле, не загудел мотор — она просто перестала быть закрытой, как будто пространство на секунду забыло, что должно держать границы.

Внутри пахло не лабораторией, а улицей после дождя. Пахло мокрым асфальтом, травой и чем-то ещё — чем-то, что Кира не могла назвать, но что заставляло кожу покрываться мурашками. В центре комнаты стоял прибор, который они называли «имитатором горизонта событий». На самом деле это была ловушка для реальности — попытка поймать в коробку то, что не должно помещаться ни в одну коробку.

Экран прибора мерцал. На нём бежали строки не кода и не данных, а чего-то похожего на сны: обрывки фраз, имена, даты, которые не совпадали ни с одним календарём. И посреди этого хаоса — одно слово, выведенное жирным шрифтом, будто кричащее: «ПОМНИ».

Кира шагнула вперёд, и пол под ногами дрогнул не как от толчка, а как будто сам решил сменить материал — на миг стал не бетоном, а чем-то мягким, податливым, словно она шла по облаку. Она схватилась за стойку, пальцы впились в металл, и реальность снова стала твёрдой.

— Ты это видела?

Голос прозвучал сзади, и Кира едва не выронила планшет. Она резко обернулась. В дверях стоял Игорь, инженер, который всегда говорил, что чудес не бывает, а бывают только плохо объяснённые явления. Сейчас он выглядел так, будто впервые в жизни столкнулся с чем-то, что не мог объяснить даже плохо.

— Видела что? — спросила Кира, хотя знала, о чём речь.

— Тень. В коридоре. Она... смотрела.

Кира сжала зубы. Если Игорь, который смеялся над каждым «аномальным» отчётом, говорит, что тень смотрела, — значит, дело плохо.

— Это не тень, — сказала она тихо. — Это отголосок.

Игорь нахмурился, будто пытался сложить два несовместимых уравнения.

— Отголосок чего?

— Всего. Прошлого. Будущего. Того, что упало за горизонт и не исчезло. Отец говорил, что излучение Хокинга — это не просто частицы. Это способ Вселенной шептать нам, что ничего не пропадает бесследно. Даже если мы хотим забыть.

Игорь подошёл ближе, осторожно, как к дикому животному, которое может укусить.

— И что теперь? Будем слушать шёпот?

Кира посмотрела на экран, где слово «ПОМНИ» мигало, будто сердце у сломанной машины.

— Нет, — сказала она твёрдо. — Теперь мы будем искать, где реальность начала рваться. И попробуем зашить дыру, пока через неё не ушло что-то важное.

Глава 2. Часы, которые пошли назад

Лаборатория оживала не светом и не звуком, а напряжением. Оно висело в воздухе, как перед грозой, когда волосы на руках встают дыбом ещё до первого раската грома. Игорь возился с панелью управления, щёлкал переключателями, хмурился, бормотал под нос формулы, которые Кира знала наизусть, но сейчас они звучали как заклинания.

— Датчики сходят с ума, — пробормотал он, не поднимая глаз. — Время не просто скачет. Оно... ветвится. Смотри.

Он развернул планшет, и Кира увидела график: не одна линия, а сразу три, расходящиеся из одной точки, как ветви дерева. Каждая линия означала свой вариант того, что происходило в комнате в последние пять минут. И ни одна из них не совпадала с тем, что помнила Кира.

— Это невозможно, — сказал Игорь, но в его голосе не было уверенности.

— Возможно, — возразила Кира. — Если реальность — это не одна дорога, а лес тропинок, и мы стоим на развилке, где каждая мысль создаёт новый путь.

Игорь поднял на неё усталые глаза.

— Ты говоришь как он. Как твой отец.

Кира отвернулась, чтобы он не увидел, как дрогнули её губы.

— Я говорю как физик, — сказала она жёстко. — И как человек, который видел, как тень поворачивается.

В этот момент часы на стене тикнули. Один раз. Потом второй. А потом пошли назад. Тихо, уверенно, как будто кто-то повернул невидимую ручку и сказал: «А давай попробуем сначала».

Кира смотрела, как секундная стрелка ползёт против часовой, и чувствовала, как внутри всё сжимается в тугой узел. Это был не сбой. Не поломка. Это был сигнал. Реальность не просто трещала по швам — она пыталась переписать себя.

— Мы не можем это игнорировать, — сказала Кира, голос звучал твёрже, чем она себя чувствовала. — Если время пошло назад, значит, где-то есть точка, где оно потеряло направление. Нам нужно найти её.

Игорь покачал головой, но уже не отрицал, а просто пытался уложить в голове то, что видеть приходилось впервые.

— А если мы найдём? Что будем делать?

Кира подошла к экрану, где всё ещё мигало слово «ПОМНИ», и провела пальцем по стеклу, будто хотела стереть его, но не решалась.

— Будем договариваться, — сказала она. — Вселенная не враг. Она просто слишком большая, чтобы мы понимали все её правила. Но некоторые из них мы знаем. Излучение Хокинга, информационный парадокс, стрела времени... Мы используем их как карту.

Игорь фыркнул, но в этом фырканье не было насмешки, только усталость и страх.

— Карта без координат.

— Зато с ориентирами, — возразила Кира. — Смотри: если аномалия растёт, значит, она питается чем-то. Энергией? Эмоциями? Нашими попытками всё исправить? Отец писал в заметках: «Чем сильнее желание откатить событие, тем сильнее искажение». Значит, мы не должны хотеть. Мы должны наблюдать.

Игорь посмотрел на неё так, будто она предложила стоять на месте, пока на них катится лавина.

— Наблюдать, пока реальность разваливается?

— Наблюдать, чтобы понять, как её собрать, — поправила Кира. — Мы не можем бороться с законами физики. Но мы можем научиться их использовать.

В этот момент дверь модуля снова открылась сама по себе, и в комнату ворвался запах дождя — такой сильный, что на мгновение показалось, будто стены растворились и за ними не бетон, а небо.

На пороге стояла женщина в белом халате, которого Кира никогда не видела в лаборатории. Её волосы были растрёпаны, глаза расширены, а в руках она держала папку с надписью «Архив: не открывать».

— Вы кто? — резко спросила Кира.

Женщина посмотрела на неё, будто узнавая, и в её взгляде мелькнуло что-то знакомое — как отголосок старого сна.

— Я — вы, — сказала она тихо. — Только из другого варианта. И у меня есть то, что вам нужно.

Кира почувствовала, как пол снова дрогнул под ногами, и на этот раз не от аномалии, а от понимания: они уже не одни в этой комнате. Их было много. Версий. Отражений. Отголосков, которые пытались дотянуться друг до друга через трещины реальности.

— Что у вас? — спросила Кира, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Женщина протянула папку.

— Данные, которые никто не должен был видеть. И предупреждение: если вы попытаетесь закрыть дыру силой, она поглотит вас. Единственный способ — позволить части информации уйти. Как излучение Хокинга. Маленькими порциями. Без борьбы.

Кира взяла папку, пальцы скользнули по прохладной обложке, и на миг ей показалось, что бумага шепчет: «Помни».

— Откуда вы это знаете? — спросила она.

Женщина улыбнулась, но улыбка была грустной, как у человека, который уже всё понял, но слишком поздно.

— Потому что я уже пыталась. И проиграла.

С этими словами она шагнула назад, в дверной проём, и тень снова сомкнулась за ней, как занавес. Дверь закрылась. На стене часы снова пошли вперёд. А на экране слово «ПОМНИ» погасло, оставив после себя только пустую строку — и тишину, которая теперь казалась громче любого крика.

Глава 3. Точка ветвления

Лаборатория перестала быть просто помещением с приборами — она стала живым существом, которое дышит не воздухом, а искажениями. После появления женщины из другой версии реальности тишина в модуле стала опасной: она больше не означала отсутствие звука, она означала, что звук прячется, копится, чтобы ударить в самый неподходящий момент.

Кира держала в руках папку с надписью «Архив: не открывать». Пальцы дрожали, но не от страха — от напряжения, как у человека, который знает, что сейчас прочтёт нечто, что навсегда изменит его представление о мире. На обложке не было ни даты, ни номера, только тонкий слой пыли, будто папку хранили не в архиве, а где-то на границе времён.

— Не надо, — тихо сказал Игорь, не отрываясь от панели. — Если это из другой ветви, значит, эти данные не должны были сюда попасть. Вмешательство может всё усугубить.

— А не вмешательство? — резко ответила Кира. — Мы уже стоим в эпицентре. Реальность переписывает сама себя, часы идут назад, тени разговаривают. Что хуже — прочитать чужую папку или притворяться, что ничего не происходит?

Игорь поднял глаза, и в них читалась не злость, а усталость человека, который слишком долго верил, что наука — это про контроль, а теперь понял, что она про смирение перед непостижимым.

— Хуже всего, когда ты думаешь, что знаешь, как исправить, а на самом деле только подбрасываешь дров в костёр. Твой отец... он говорил, что главная ошибка эксперимента — в том, что мы пытались укротить сингулярность, как будто это зверь, которого можно посадить на цепь. А она не зверь. Она — отсутствие правил.

Кира щёлкнула застёжкой папки. Внутри лежали не распечатки и не графики, а листы, исписанные от руки. Почерк был знакомый до боли — неровный, стремительный, с зачёркиваниями, будто мысли бежали быстрее, чем успевали ложиться на бумагу. Это были заметки отца.

«Информационный парадокс не решается силой, — читала Кира про себя, а голос отца будто звучал в голове. — Если мы пытаемся удержать информацию, она начинает давить. Излучение Хокинга — это способ Вселенной сбрасывать лишнее. Маленькая утечка спасает от катастрофы. Но мы не хотим терять ни бита. Мы слишком боимся забыть».

— Он знал, — прошептала Кира. — Он знал, что это случится.

Игорь подошёл ближе, заглянул в папку, и лицо его исказилось, как от физической боли.

— Это черновик отчёта, который мы так и не подали. Здесь расчёты точки ветвления. Смотри: он предсказывал, что при превышении критической массы симуляции реальность начнёт «расщепляться» не абстрактно, а буквально. Каждый сильный эмоциональный импульс рядом с модулем будет создавать новую ветвь. Страх, вина, желание всё исправить — это топливо для аномалии.

Кира почувствовала, как внутри всё сжимается. Она вспомнила, сколько раз за последние дни думала: «Если бы я только могла вернуться и сделать иначе». Сколько раз хотела отмотать время назад, чтобы успеть сказать отцу что-то важное, предупредить, удержать.

— Значит, это я... — начала она, но Игорь резко перебил:

— Не ты. Система. Мы все. Но да, наши эмоции — это катализатор. Чем сильнее мы хотим всё исправить, тем быстрее реальность рассыпается.

В этот момент панель управления вспыхнула красным, и из динамиков раздался звук, которого не должно было быть в лаборатории: тихий, ровный, как сердцебиение, но слишком медленный, будто принадлежал существу, живущему в другом времени.

— Что это? — спросила Кира, хотя уже знала ответ.

— Частота излучения Хокинга, — пробормотал Игорь, глядя на экран, где вместо привычных графиков теперь бежали волны, похожие на следы от капель в воде. — Только не теоретическая, а реальная. Аномалия начала «испаряться», но не равномерно. Она сбрасывает информацию неравномерно, кусками. И эти куски пробивают границы между ветвями.

На стене снова пошли часы, но теперь они не просто шли назад — они прыгали. Секундная стрелка металась между минутами, как загнанный зверь, пытаясь найти своё место в искажённом времени. И в эти мгновения, когда стрелка застывала, в воздухе появлялись обрывки звуков: чей-то смех, скрип двери, слово, произнесённое шёпотом на языке, которого Кира не знала.

— Мы теряем синхронизацию, — сказал Игорь, голос его звучал отстранённо, будто он уже не верил, что может что-то контролировать. — Каждая ветвь реальности имеет свою частоту. Пока они были близки, мы этого не замечали. Теперь они расходятся. Если разница станет слишком большой, границы между ними исчезнут. И тогда...

— Тогда что? — Кира почти крикнула.

— Тогда мы перестанем понимать, какая из версий настоящая. Или, хуже того, перестанем быть одной версией. Мы начнём расщепляться. Каждый из нас станет множеством людей, которые помнят разные вещи, чувствуют разные вещи... и в какой-то момент перестанут узнавать друг друга.

Кира сжала кулаки. Перед глазами мелькнули обрывки воспоминаний: отец, стоящий у панели; её собственный крик, когда модуль вспыхнул в день аварии; тень, которая повернулась к ней. И вдруг она поняла: эти воспоминания тоже могли быть отголосками других ветвей. Сколько из того, что она считала своим прошлым, на самом деле принадлежало другим версиям её самой?

— Нам нужно найти точку ветвления, — сказала она твёрдо. — Место, где реальность впервые начала рваться. Если мы поймём, где произошёл первый сбой, возможно, мы сможем стабилизировать остальные ветви.

Игорь посмотрел на неё с сомнением, но в его взгляде мелькнуло что-то ещё — уважение к её решимости.

— Точка ветвления не место, — возразил он. — Это событие. Момент, когда было принято решение, изменившее ход эксперимента. Твой отец писал, что это был выбор между «сохранить все данные любой ценой» и «позволить части информации уйти». Он выбрал первое.

Кира почувствовала, как по спине пробежал холодок. Значит, всё началось с решения, которое принял человек, которого она любила больше всех на свете.

— И что теперь? — спросила она. — Мы должны отменить его выбор?

— Нет, — покачал головой Игорь. — Мы не можем отменить прошлое. Но мы можем сделать другой выбор сейчас. Твой отец не хотел терять ни бита информации, потому что боялся забыть. А мы... мы можем позволить чему-то уйти. Не из слабости, а из понимания: чтобы спасти целое, иногда нужно пожертвовать частью.

В этот момент дверь модуля снова открылась сама по себе, но на этот раз в проёме не было ни женщины, ни тени. Там стоял человек, которого Кира никак не ожидала увидеть.

Это был её отец.

Не призрак, не отголосок — настоящий, живой, в том самом халате, который она помнила с детства. Он смотрел на неё так, будто видел впервые, и в его глазах читалось не удивление, а глубокая, почти невыносимая печаль.

— Кира, — сказал он тихо. — Ты не должна этого делать.

Она замерла, не в силах пошевелиться, не в силах даже вдохнуть.

— Папа... — прошептала она. — Но ты же...

— Умер в твоей ветви, — закончил он за неё. — Да. Но здесь я ещё жив. И я знаю, что ты хочешь сделать. Ты хочешь всё исправить. Но исправление — это тоже выбор. И он может стоить тебе всего.

Кира покачала головой, пытаясь отогнать наваждение, но знала, что это не галлюцинация. Это была другая ветвь реальности, которая прорвалась сквозь трещину и теперь пыталась говорить с ней.

— Я не могу просто стоять и смотреть, как всё рушится, — сказала она, голос дрожал, но она старалась говорить твёрдо. — Если есть шанс всё исправить...

— Шанс не в исправлении, — перебил он. — Шанс в принятии. Вселенная не обязана быть удобной. Она обязана быть настоящей. Даже если эта правда причиняет боль.

Он шагнул вперёд, протянул руку, будто хотел коснуться её лица, но остановился, не дойдя нескольких сантиметров. И в этот миг Кира увидела, как его фигура начала мерцать, как изображение на сломанном экране.

— Время истекает, — сказал он. — Ветви расходятся слишком быстро. Скоро ты перестанешь слышать голоса из других реальностей. Или, что хуже, начнёшь слышать слишком много. Найди точку ветвления. Но помни: ты не можешь спасти всех. Ты можешь только выбрать, кого ты готова потерять, чтобы спасти остальных.

С этими словами он растворился в воздухе, оставив после себя лишь запах озона и тишину, которая теперь казалась тяжелее любого крика.

Кира стояла, не двигаясь, чувствуя, как реальность вокруг неё дрожит, как натянутая струна, готовая порваться от малейшего прикосновения.

— Мы должны действовать, — сказала она, обращаясь скорее к себе, чем к Игорю. — Сейчас. Пока мы ещё понимаем, где находимся.

Игорь кивнул, лицо его было бледным, но решительным.

— Есть один способ определить точку ветвления, — сказал он. — Нам нужно запустить обратный протокол симуляции. Не для того, чтобы откатить время, а чтобы проследить, где впервые появились расхождения. Это опасно. Если мы ошибёмся с параметрами, мы можем сами стать точкой ветвления.

— У нас нет выбора, — ответила Кира.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, будто пытаясь запомнить её такой, какой она была в этот момент — перед тем, как всё изменится.

— Тогда держись крепче, — сказал он и повернулся к панели.

Пальцы забегали по клавишам, вводя команды, которые должны были заставить реальность показать своё прошлое. На экране вспыхнули графики, линии начали сплетаться в сложный узор, похожий на паутину, где каждая нить была отдельной версией событий.

И вдруг одна линия выделилась — яркая, пульсирующая, как открытая рана. Она началась не в момент аварии, а раньше. Гораздо раньше. В тот день, когда отец впервые решил не удалять ни одного бита данных, даже если это нарушало баланс.

— Вот она, — прошептал Игорь. — Точка ветвления. И она не в оборудовании. Она в решении.

Кира смотрела на пульсирующую линию и понимала: чтобы спасти реальность, ей придётся столкнуться не с аномалией, а с выбором, который когда-то сделал её отец. И, возможно, с выбором, который ей самой придётся сделать сейчас.

Панель снова вспыхнула красным. Сирена взвыла, разрывая тишину, и на экране появилось сообщение, написанное не кодом, а словами, будто кто-то пытался достучаться до них через саму систему:

«ПОМНИ: НЕ ВСЕ МОЖНО СПАСТИ. НЕКОТОРЫЕ ВЕЩИ ДОЛЖНЫ ИСЧЕЗНУТЬ, ЧТОБЫ ОСТАЛЬНОЕ МОГЛО ЖИТЬ».

Глава 4. Сингулярность внутри

Обратный протокол работал не как машина времени, а как рентгеновский снимок реальности: он не показывал будущее и не возвращал прошлое, он высвечивал скрытые трещины, по которым реальность начинала расползаться. Линии на экране сплетались в сложный узор, и Кира вдруг поняла, что смотрит не на графики, а на карту человеческих решений — каждое из них было узлом, от которого расходились новые ветви.

Игорь вводил команды быстро, почти не глядя, пальцы летали над клавиатурой, а сам он шептал формулы, как заклинания, будто пытался удержать реальность на месте одними только словами.

— Смотри, — сказал он, указывая на пульсирующую точку в центре экрана. — Это не просто точка ветвления. Это сингулярность. Место, где плотность решений достигла критического значения. Здесь реальность перестала быть единой и начала расщепляться на отдельные потоки.

— Как чёрная дыра, — тихо сказала Кира.

— Точно, — кивнул Игорь. — Только вместо материи она поглощает вероятности. Каждое решение, принятое рядом с этим местом, не просто создаёт новую ветвь — оно усиливает саму аномалию. Чем больше мы пытаемся всё исправить, тем больше расщепляем реальность.

Кира вспомнила слова отца из заметок: «Излучение Хокинга — это способ Вселенной сбрасывать лишнюю информацию». И вдруг поняла: чтобы остановить аномалию, им нужно не бороться с ней, а позволить ей «испариться». Но для этого придётся пожертвовать чем-то важным — чем-то, что они отчаянно хотели сохранить.

— Нам нужно создать контролируемую утечку, — сказала она. — Позволить части информации уйти, как это происходит с чёрной дырой. Но как? Мы не можем просто стереть данные. Это может вызвать ещё больший сбой.

Игорь нахмурился, глядя на графики, которые теперь напоминали бурю: линии метались, сталкивались, создавали новые узлы.

— Единственный способ — сделать это через эмоциональный якорь, — наконец произнёс он. — Аномалия питается нашими желаниями, нашими страхами, нашей потребностью всё исправить. Значит, чтобы создать утечку, нам нужно... отпустить. Не стереть, не уничтожить, а позволить воспоминанию или чувству уйти естественным путём. Как излучение.

Кира почувствовала, как внутри всё сжалось. Отпустить. Позволить чему-то исчезнуть. Для неё это звучало как предательство.

— Ты говоришь, что я должна забыть, — прошептала она.

— Не забыть, — мягко поправил Игорь. — Позволить не держать. Разница огромная. Память останется, но она перестанет быть грузом, который тянет реальность вниз.

В этот момент сирена взвыла снова, и на панели загорелась новая строка: «КРИТИЧЕСКОЕ РАСХОЖДЕНИЕ. ВЕТВИ ТЕРЯЮТ СИНХРОНИЗАЦИЮ».

— Времени почти нет, — сказал Игорь. — Если мы не сделаем это сейчас, границы между ветвями начнут стираться. Мы можем оказаться в реальности, где нас никогда не существовало. Или в реальности, где мы — это кто-то другой.

Кира посмотрела на папку с заметками отца. На его почерк, на зачёркивания, на слова, написанные с такой болью, будто он уже знал, к чему приведёт его решение. И вдруг поняла: он тоже пытался удержать всё. Он не хотел терять ни одного воспоминания, ни одного расчёта, ни одной секунды. И именно это сделало его точкой ветвления.

— Я знаю, что нужно сделать, — сказала она твёрдо. — Но мне понадобится твоя помощь.

Игорь кивнул, не спрашивая, не споря. В его взгляде читалось понимание: они стоят на краю, и только вместе могут сделать шаг, который не сломает их окончательно.

— Хорошо, — сказал он. — Что ты задумала?

Кира глубоко вздохнула, собираясь с силами.

— Мы запустим протокол «Излучение». Он должен имитировать естественный процесс потери информации, как это происходит у чёрной дыры. Но ключевой элемент — это моё намерение. Я должна сознательно позволить чему-то уйти. Не сопротивляться. Не пытаться удержать. Просто... отпустить.

Игорь на мгновение закрыл глаза, будто просил у Вселенной терпения.

— Протокол рискованный, — предупредил он. — Если твоё намерение будет неискренним, если ты будешь пытаться обмануть систему, думая: «Я отпущу, но потом верну», — аномалия только усилится. Она чувствует фальшь.

Кира кивнула. Она знала, что он прав. Нельзя было хитрить с реальностью, которая видела насквозь каждую мысль.

— Я готова, — сказала она.

Игорь начал вводить команды, и лаборатория вокруг них будто затаила дыхание. Панели мерцали, воздух стал густым, как перед грозой, и даже тени в углах комнаты казались плотнее, словно собирались стать свидетелями чего-то важного.

На экране появилась новая схема: круг с расходящимися волнами, похожий на круги на воде от брошенного камня. В центре круга пульсировала точка — сингулярность, которая поглощала вероятности. И от неё, как тонкие нити, тянулись линии к разным версиям реальности.

— Сейчас, — сказал Игорь. — Когда я нажму «Enter», система начнёт имитировать излучение Хокинга. Информация будет уходить маленькими порциями. Но чтобы это сработало, ты должна сосредоточиться на том, что готова отпустить. Не на всём сразу. На чём-то одном. На самом тяжёлом.

Кира закрыла глаза и представила лицо отца. Вспомнила его голос, его смех, его привычку поправлять очки, когда он был особенно взволнован. И вдруг поняла, что самое тяжёлое — это не его смерть. Это её вина. Её бесконечное «если бы я только...». Если бы она тогда пришла раньше, если бы сказала нужные слова, если бы заставила его остановиться.

Именно это «если бы» и питало аномалию. Именно эта вина делала её точку ветвления такой плотной.

— Я отпускаю «если бы», — прошептала она, и слова прозвучали в тишине, как клятва. — Я принимаю, что не могла всё изменить. Я принимаю, что он сделал свой выбор, и я сделаю свой.

Игорь нажал «Enter».

Мир вокруг них дрогнул. Не как от землетрясения, а как от смены частоты: на мгновение всё стало чуть прозрачнее, будто они смотрели сквозь тонкое стекло на другую реальность. Звуки стали тише, но чётче, как будто кто-то убавил шум и прибавил смысл.

На экране линии начали меняться: вместо хаотичного переплетения они стали расходиться плавными волнами, как круги на воде. Пульсирующая точка в центре не исчезла, но её яркость начала тускнеть, как звезда, которая медленно угасает, отдавая свою энергию космосу.

— Работает, — прошептал Игорь, глядя на графики. — Излучение началось. Аномалия сбрасывает лишнюю информацию. Ветви начинают стабилизироваться.

Кира чувствовала, как внутри неё тоже что-то меняется. Боль не исчезла, но стала легче, как будто сбросила часть своей тяжести. Вина всё ещё была там, но теперь она не управляла ею. Теперь она была просто чувством, а не приговором.

Но в тот момент, когда Кира подумала, что худшее позади, на панели вспыхнула новая строка, написанная не кодом, а буквами, будто сама система пыталась предупредить их:

«ВНИМАНИЕ: ПОТЕРЯ ИНФОРМАЦИИ МОЖЕТ ИМЕТЬ НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ. ВЫ УВЕРЕНЫ?»

И прежде чем Кира успела ответить, дверь модуля распахнулась, и в комнату ворвался холодный ветер, которого не могло быть под землёй. А вместе с ним — голос, который Кира узнала мгновенно.

Это был голос женщины из другой ветви.

— Вы не понимаете, — крикнула она, врываясь в комнату, глаза её были расширены от ужаса. — Вы думаете, что спасаете реальность, но вы стираете саму возможность выбора! Если вы позволите информации уйти, некоторые ветви исчезнут навсегда. И люди в них... они перестанут существовать.

Кира замерла, чувствуя, как надежда, которая только начала разгораться внутри, гаснет от этих слов.

— Но мы должны, — возразила она. — Иначе всё распадётся.

— Всё уже распалось.

Глава 5. Цена утечки

Холодный ветер не утихал — он будто жил своей жизнью, пробираясь сквозь швы панелей, гуляя по углам, заставляя датчики мигать вразнобой. Женщина из другой ветви стояла посреди модуля, и её силуэт то расплывался, то снова становился чётким, как изображение, которое пытаются поймать на плохой связи.

— Вы стираете не просто данные, — кричала она, и голос её звучал не только в комнате, но и внутри головы Кира, будто реальность решила усилить сигнал. — Вы стираете возможность. В тех ветвях люди ещё могут всё изменить. В тех ветвях кто-то ещё жив.

Кира пошатнулась. Перед глазами на миг вспыхнули чужие картины: незнакомая улица, дождь, человек в плаще, который оборачивается, и в этом повороте — что-то до боли знакомое. Это длилось долю секунды, а потом пропало, оставив после себя привкус чужой боли, как соль на губах.

— Кто там жив? — прошептала Кира, и слова прозвучали как обвинение. — В какой из ветвей? Их тысячи. Миллионы. Каждая мысль, каждый страх, каждое «если бы» рождает новую. Мы не можем спасти все варианты. Мы даже не можем их сосчитать.

Женщина шагнула ближе, и на этот раз её глаза были не полны ярости — в них стояла усталость, такая глубокая, что Кира почувствовала её как свою собственную.

— Я знаю, — тихо сказала женщина. — Я уже пыталась. Я стояла там, где стоишь ты. И я выбрала «спасти всех». Я усилила симуляцию, чтобы удерживать каждую ветвь. И знаешь, что случилось? Реальность начала есть саму себя. Ветви стали сталкиваться. Люди в соседних версиях начали... накладываться друг на друга. Ты не хочешь этого видеть.

Игорь резко поднял голову от панели.

— Наложение? — переспросил он. — Это же теоретически невозможно.

— Теоретически, — горько усмехнулась женщина. — А на практике — это когда ты смотришь на человека и видишь сразу двоих: его лицо и лицо того, кем он мог стать. И они кричат друг на друга внутри одной головы. Это когда память становится ядом.

На панели снова вспыхнула строка: «КРИТИЧЕСКОЕ РАСХОЖДЕНИЕ. СТАБИЛИЗАЦИЯ НЕВОЗМОЖНА БЕЗ ПОТЕРЬ».

Кира сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль была настоящей, земной, и это помогало держаться.

— Значит, мы не можем удержать всё, — сказала она твёрдо. — Но мы можем выбрать, что сохранить. Не ради себя. Ради того, чтобы реальность не рассыпалась окончательно.

Женщина покачала головой, будто хотела сказать «ты не понимаешь», но вместо этого просто опустила плечи, признавая поражение.

— Тогда сделай это правильно, — прошептала она. — Не как уничтожение. Как выдох. Как отпускание, которое даёт место чему-то новому.

С этими словами она начала растворяться, не исчезая сразу, а как будто теряя плотность, становясь похожей на утренний туман, который тает под первыми лучами солнца.

— Подожди! — крикнула Кира. — Как тебя зовут? Хоть что-то...

Но в ответ донёсся только шёпот, похожий на эхо:

— Меня зовут Кира. Только в той версии я проиграла.

И она исчезла.

В комнате стало тихо. Не так, как бывает после крика, а так, как бывает перед ударом грома — когда воздух звенит от напряжения.

— Она была права насчёт наложения, — тихо сказал Игорь, глядя на графики. — Смотри.

Он развернул планшет. На экране была карта лаборатории, и поверх неё накладывались полупрозрачные контуры других версий того же помещения. В некоторых местах эти контуры совпадали, в других — расходились, образуя странные узлы, похожие на узлы на верёвке, которую слишком сильно затянули.

— Это зоны интерференции, — пояснил Игорь. — Там, где ветви сталкиваются. Если мы ничего не сделаем, эти узлы начнут расти. И тогда...

— Тогда люди начнут видеть чужие воспоминания, — закончила за него Кира. — Начнут слышать чужие голоса. Начнут сомневаться в том, кто они есть.

Она подошла к панели, посмотрела на пульсирующую точку в центре экрана — сингулярность, которая поглощала вероятности, как чёрная дыра поглощает свет. И вдруг поняла, что наука, которую она любила, теперь казалась ей не ключом к пониманию мира, а ножом, которым можно и резать, и ранить.

— Протокол «Излучение» всё ещё активен, — сказал Игорь. — Мы начали сброс информации. Но он идёт неравномерно. Аномалия сопротивляется. Она держится за самые сильные эмоции, за самые болезненные воспоминания.

Кира закрыла глаза и снова увидела лицо отца. Услышала его голос: «Не пытайся удерживать всё. Позволь части уйти».

— Мне нужно усилить намерение, — сказала она. — Не просто «отпустить», а сделать это осознанно. Как если бы я сама стала источником излучения Хокинга.

Игорь посмотрел на неё с тревогой.

— Это опасно. Если ты слишком сильно «откроешься» для сброса, ты можешь потерять не только воспоминания, но и часть себя. Личность — это тоже информация.

— Я понимаю, — ответила Кира. — Но если я не сделаю этого, мы все потеряем гораздо больше.

Она встала в центре комнаты, там, где воздух был особенно густым, и закрыла глаза. Вокруг неё реальность дрожала, как поверхность воды, в которую бросили камень.

— Я отпускаю вину, — прошептала она, и каждое слово давалось ей тяжело, как если бы она отрывала что-то живое от себя. — Я отпускаю «если бы». Я принимаю, что он сделал свой выбор. И я делаю свой. Пусть эта боль станет энергией, которая поможет реальности восстановиться. Пусть она уйдёт, как излучение, маленькими порциями, не разрушая остальное.

Вокруг неё воздух начал мерцать. Не ярко, не ослепительно, а мягко, как светлячки в тёмной комнате. Линии на экранах задрожали, а затем начали вытягиваться, словно их тянули за концы, превращая хаос в порядок.

Пульсирующая точка в центре экрана начала тускнеть. Не мгновенно, а постепенно, как гаснет уголёк, отдавая последнее тепло.

— Работает, — прошептал Игорь, не отрывая взгляда от графиков. — Сброс идёт. Ветви начинают стабилизироваться. Расхождение уменьшается.

Но прежде чем Кира успела почувствовать облегчение, на панели вспыхнула новая строка, написанная не кодом, а буквами, будто система пыталась предупредить их в последний раз:

«ВНИМАНИЕ: ОБНАРУЖЕНА ВТОРИЧНАЯ ТОЧКА ВЕТВЛЕНИЯ. ИСТОЧНИК: ВНЕШНЕЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО».

В этот момент дверь модуля распахнулась, и в комнату ворвался не ветер, а человек.

Это был не кто-то из их команды. Это был мужчина в строгом костюме, с лицом, которое казалось слишком спокойным для того хаоса, что творился вокруг. За ним в коридоре мелькнули ещё несколько фигур в форме службы безопасности.

— Кира Волкова, — произнёс он ровным, безэмоциональным голосом. — Эксперимент закрыт. Модуль будет обесточен через три минуты.

Кира почувствовала, как внутри всё оборвалось.

— Вы не понимаете, — сказала она, делая шаг вперёд. — Если вы обесточите модуль сейчас, когда идёт сброс, это вызовет резкий скачок давления в сингулярности. Это может привести к коллапсу ближайших ветвей. Люди могут... исчезнуть.

Мужчина посмотрел на неё так, будто она говорила на незнакомом языке.

— У нас приказ, — ответил он. — Проект признан опасным. Мы действуем по протоколу. Игорь вскочил со стула, пальцы судорожно забегали по клавишам.

— Три минуты — это слишком мало, — пробормотал он. — Нам нужно хотя бы десять, чтобы завершить сброс.

— Мы не можем остановить их, — сказала Кира, голос её дрожал, но она старалась говорить твёрдо. — Значит, мы должны успеть сделать главное за эти три минуты.

Она снова закрыла глаза, собираясь с силами. Вокруг неё реальность продолжала мерцать, и на этот раз Кира чувствовала не только дрожь пространства, но и тяжесть времени, которое утекало сквозь пальцы, как песок.

— Помоги мне, — сказала она Игорю. — Направь сброс. Сделай так, чтобы энергия ушла по безопасным каналам. А я... я буду держать намерение.

Игорь кивнул, лицо его было бледным, но решительным.

— Держи, — сказал он и протянул ей провод с зажимом. — Это прямой канал к системе. Если ты сосредоточишься и будешь удерживать намерение, система сможет использовать твою... эмоциональную энергию как стабилизатор.

Кира взяла провод, пальцы сомкнулись на холодном металле, и в этот миг она почувствовала, как реальность словно вздохнула, будто ждала именно этого прикосновения.

— Начинай, — сказала она.

Пальцы Игоря снова забегали по клавиатуре, вводя команды, которые должны были направить сброс информации по безопасным маршрутам. На экранах линии начали вытягиваться в длинные, плавные волны, унося с собой лишнюю энергию аномалии.

А Кира стояла с закрытыми глазами и шептала:

— Отпускаю. Отпускаю. Пусть уйдёт то, что должно уйти. Пусть останется то, что важно.

Время будто замедлилось. Каждая секунда тянулась, как минута. В ушах стоял гул, похожий на шум далёкого океана, и среди этого шума Кира слышала обрывки чужих голосов, чужих воспоминаний, чужих жизней, которые растворялись в излучении.

На панели мигали цифры обратного отсчёта: 2:59... 2:58... 2:57...

И вдруг гул в ушах стал тише. Мерцание вокруг неё ослабло. Линии на экранах перестали дрожать и легли ровно, как рельсы, ведущие в спокойное будущее.

Пульсирующая точка в центре экрана погасла. Не с грохотом, не с взрывом, а тихо, как гаснет свеча на ветру, оставляя после себя только лёгкий запах воска и тишину.

— Готово, — прошептал Игорь. — Сброс завершён. Сингулярность стабилизирована.

Кира открыла глаза. Комната выглядела почти обычной. Почти. Тени снова падали туда, куда должны были. Часы на стене шли вперёд, ровно и спокойно. И даже воздух казался менее густым, будто реальность наконец-то смогла сделать глубокий вдох.

Мужчина в костюме смотрел на экраны, и впервые на его лице мелькнуло что-то похожее на замешательство.

— Система стабильна, — сказал он, будто сам не верил своим словам. — Аномалия... исчезла.

— Не исчезла, — поправила Кира, голос её был тихим, но твёрдым. — Она перестала быть угрозой. Теперь это просто часть реальности, которую мы научились понимать.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, в котором читалось не только недоверие, но и что-то ещё — возможно, уважение.

— Ваш отчёт, — сказал он наконец. — Он должен быть подробным.

Кира кивнула. Она знала, что впереди её ждёт не только отчёт, но и долгие разговоры, проверки, объяснения. Но сейчас, в эту минуту, она чувствовала нечто большее, чем усталость. Она чувствовала, что сделала правильный выбор.

Игорь подошёл к ней и протянул руку.

— Ты справилась, — сказал он.

Кира улыбнулась, впервые за долгое время по-настоящему улыбнулась.

— Мы справились, — поправила она.

Глава 6. Горизонт событий и то, что за ним

Дни после стабилизации тянулись странно: как будто реальность всё ещё привыкала к новому балансу, и время иногда спотыкалось, делая короткие паузы, прежде чем снова пойти вперёд. Лабораторию не закрыли, но теперь она напоминала не поле битвы, а место, где только что закончилась буря и люди осторожно выходят из укрытий, чтобы посмотреть, что осталось.

Кира сидела в своём кабинете, перед ней лежал чистый лист бумаги, и она пыталась облечь в слова то, что невозможно было описать формулами. Отчёт требовал точности, но правда была не в цифрах. Правда была в ощущении, что горизонт событий — это не стена, за которой ничего нет, а граница, которая меняет всё, что через неё проходит.

В дверь постучали, и вошёл Игорь с двумя стаканчиками кофе.

— Держи, — сказал он, протягивая один из них. — Тебе нужно хоть что-то обычное.

Кира взяла стаканчик, почувствовала тепло сквозь картон и улыбнулась.

— Спасибо.

Они сели рядом, и на мгновение в комнате повисла тишина, не напряжённая, а спокойная, как бывает, когда самое страшное уже позади.

— Знаешь, — сказал Игорь, глядя в окно, за которым город медленно зажигал вечерние огни, — я всё думаю про излучение Хокинга. Мы привыкли думать, что чёрная дыра — это конец. Что она всё поглощает и ничего не отдаёт. А на самом деле она делится. Крошечными порциями. Так мало, что мы едва можем это заметить. Но именно это и спасает её от коллапса.

Кира кивнула, вспоминая те минуты, когда она стояла в центре лаборатории и шептала: «Отпускаю».

— Иногда самое сильное, что мы можем сделать, — это позволить чему-то уйти, — сказала она. — Не потому что это неважно. А потому что, удерживая, мы рискуем потерять всё.

Игорь посмотрел на неё, и в его взгляде была не только усталость, но и что-то, похожее на восхищение.

— Ты была права, — произнёс он тихо. — Твой отец тоже был прав. Просто он не успел найти способ отпустить.

Кира почувствовала, как к горлу подступает комок, но на этот раз это была не боль. Это была благодарность — за то, что она смогла услышать его слова вовремя.

— Он оставил нам подсказки, — сказала она. — Просто мы поняли их слишком поздно.

За окном город жил своей обычной жизнью. Машины ехали по улицам, люди спешили домой, и никто из них не знал, насколько близко они были к тому, чтобы потерять саму возможность «обычного вечера».

Кира посмотрела на чистый лист перед собой, взяла ручку и написала первые строки отчёта. Но где-то на полях, между сухими формулировками, она оставила одну фразу, которую не должна была включать ни в один официальный документ:

«Горизонт событий — это не конец. Это момент, когда ты решаешь, что готов оставить позади, чтобы двигаться дальше».

Глава 7. Тихий сбой и шрамы реальности

Казалось, что после стабилизации мир должен был стать предсказуемым, как хорошо отлаженный механизм: стрелки часов — ровно по кругу, тени — строго за спинами, графики — без резких скачков. Но реальность, как выяснилось, не любит резких переходов от хаоса к порядку: она предпочитает оставлять мелкие шероховатости — будто шрамы, по которым можно понять, что буря действительно была. И эти шрамы не исчезали, а жили своей тихой жизнью, напоминая, что граница между «нормальным» и «невозможным» теперь тоньше, чем раньше.

В первые дни после инцидента лаборатория напоминала музей сразу после землетрясения: всё на местах, но каждый предмет стоит чуть-чуть не так, как раньше. Датчики показывали нормальные значения, приборы исправно пищали, сотрудники ходили по коридорам и делали вид, что ничего не изменилось. Только Кира замечала детали, от которых по коже бежали мурашки.

Например, часы в её кабинете теперь каждый день отставали ровно на 37 секунд. Не из-за севшей батарейки и не из-за сбоя сети — просто время здесь текло чуть медленнее, будто этот угол комнаты всё ещё помнил, как ходить назад. Или тени: они снова падали правильно, но иногда, если резко обернуться, можно было заметить, что тень на долю секунды задерживается, будто не успевает за своим хозяином. А однажды Кира увидела, как тень её собственной руки на мгновение стала темнее, чем должна была быть, и в этой темноте мелькнули тонкие линии, похожие на карту незнакомых улиц. Она моргнула — и линии исчезли, но ощущение, что тень пыталась ей что-то показать, осталось.

Кира сидела за столом, перед ней лежал официальный отчёт — сухой, выверенный, с формулами, которые аккуратно обходили самое главное. В нём не было ни слова про «отпускание», про намерение, про то, как человеческая боль может становиться топливом для сингулярности. Там были графики, коэффициенты, термины вроде «временная дисперсия» и «локальное расхождение метрики пространства». Но Кира знала: за каждой цифрой прячется история. И эта история не хотела быть спрятанной в папку с грифом «Для служебного пользования».

Она провела пальцем по строке с расчётами, будто пыталась нащупать под сухими символами то, что нельзя было измерить. В отчёте говорилось, что «аномалия локализована и стабилизирована». Но слово «локализована» звучало для неё как «посажена в клетку», а не как «побеждена». И клетка эта была тонкой, почти невидимой, и Кира чувствовала, что стоит только дёрнуть за нужную нить — и всё снова пойдёт не туда.

В дверь постучали, и вошёл Игорь. В руках он держал планшет, экран которого мерцал не от плохого соединения, а от чего-то другого — будто реальность в этом месте всё ещё колебалась между несколькими вариантами. На экране бежали графики, и среди них Кира сразу заметила ту самую бледно-жёлтую точку — маленькую, почти незаметную, но упрямую, как светлячок в сумерках.

— У нас проблема, — сказал он без предисловий. — Маленькая. Но неприятная.

Кира подняла глаза, и в груди снова натянулась струна тревоги — та самая, которая теперь жила в ней постоянно, как тихий фоновый шум.

— Что значит «маленькая»? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Значит, что её пока можно игнорировать, если очень хочется верить, что всё закончилось, — ответил Игорь, опускаясь на стул напротив. — Но я не хочу.

Он развернул планшет. На экране был график, похожий на кардиограмму: ровные волны, которые вдруг делали резкий скачок, а потом снова выравнивались. Скачок был крошечным

— на уровне погрешности, на уровне того, что можно списать на шум. Но Кира знала, что в их деле именно такие мелочи и становились началом больших бед.

— Это модуль, — пояснил Игорь. — Точнее, то, что от него осталось. Сингулярность не исчезла. Она... сжалась. Как будто ушла в спящий режим. И теперь время от времени подаёт сигналы.

— Какие сигналы? — спросила Кира, чувствуя, как внутри всё сжимается, будто она уже знала ответ, но надеялась ошибиться.

— Микроутечки. Очень слабые. Как излучение Хокинга, только не теоретическое, а практическое. Система сбрасывает крошечные порции информации, чтобы не накопить критическую массу.

Кира закрыла глаза и вспомнила те минуты в центре лаборатории, когда она стояла с закрытыми глазами и шептала: «Отпускаю». Как реальность дрожала вокруг неё, как воздух становился густым, как будто пытался удержать её на месте, не дать сделать этот шаг. И как потом, когда слово было сказано, пространство будто вздохнуло и стало спокойнее.

— Значит, это не конец, — сказала она тихо, открывая глаза. — Это... поддержание баланса.

Игорь кивнул, и в его взгляде читалась усталость человека, который слишком долго пытался верить в простые ответы, а теперь был вынужден принимать сложные.

— Именно, — ответил он. — Мы не уничтожили аномалию. Мы научили её дышать. Но дыхание может стать глубже, если что-то нарушит равновесие.

На панели в углу экрана мигала маленькая точка — не тревожная, не красная, а бледно-жёлтая, почти незаметная. Как светлячок в сумерках. Но в этой незаметности было что-то гораздо более пугающее, чем любая сирена. Сирена кричит и предупреждает. А светлячок просто светит, будто так и надо, будто он всегда тут был.

— И что это значит? — снова спросила Кира, хотя уже догадывалась.

— Это значит, что система всё ещё связана с ветвями. С теми, которые мы... позволили уйти. Иногда она пытается «дотянуться» до них. Как будто проверяет, не передумали ли мы.

Кира сжала кулаки, ногти впились в ладони, и эта короткая вспышка боли помогла ей удержаться от паники. Она не передумала. Но мысль о том, что где-то там, в стёртых ветвях, могли остаться люди, которые просто хотели жить, царапала изнутри, как острый край бумаги, который незаметен, пока не порежешься.

— Мы должны следить, — сказала она твёрдо. — Не как за бомбой, а как за живым существом, которое учится не причинять вреда.

Игорь посмотрел на неё долгим взглядом, в котором читалось не только уважение, но и тревога — за неё, за то, сколько она брала на себя, за то, как легко могла сломаться под этим грузом.

— Ты говоришь так, будто она... разумна, — произнёс он наконец.

— Нет, — покачала головой Кира. — Она не разумна. Но она реагирует. На эмоции, на намерения, на решения. Это не сознание. Это физика. Просто физика, которая оказалась гораздо ближе к жизни, чем мы думали.

В этот момент планшет в руках Игоря издал тихий звук — не сигнал тревоги, не писк, а что-то среднее между щелчком и вздохом. График на экране дрогнул, и бледно-жёлтая точка на мгновение стала ярче, будто кто-то повернул ручку громкости на пол-оборота. Потом снова потускнела, но уже не до прежнего уровня — она осталась чуть ярче, чем была минуту назад.

— Она реагирует на нас, — прошептал Игорь, будто боялся спугнуть момент. — Прямо сейчас.

Кира встала, подошла ближе, посмотрела на экран, как смотрят на лицо человека, пытаясь прочесть в нём правду. На графике волны стали чуть выше, чуть острее, будто система прислушивалась к их голосам, к их мыслям, к их страхам.

— Тогда будем говорить с ней на её языке, — сказала Кира твёрдо, и в голосе её звучала не бравада, а решимость. — На языке уравнений. И на языке решений.

Глава 8. Язык уравнений и язык боли

Следующие дни превратились в странный танец между наукой и интуицией. Кира и Игорь работали не как учёные, проверяющие гипотезы, а как смотрители границы: они не пытались её сломать, а старались понять, где она дышит, где напрягается, где просит тишины. Они учились слышать тишину так же внимательно, как и сигналы тревоги.

Они создали новую систему мониторинга, которая учитывала не только физические параметры, но и... человеческий фактор. В неё входили данные о настроении сотрудников, о стрессовых ситуациях, о сильных эмоциях, которые могли стать топливом для новой аномалии. Это звучало как безумие, но цифры подтверждали: в те дни, когда в лаборатории кто-то ссорился или переживал сильный стресс, показатели модуля начинали ползти вверх. Однажды всплеск совпал с моментом, когда начальник отдела кричал на стажёра; в другой раз — с тем, как уборщица, узнав плохие новости, заплакала в подсобке. Каждый раз, когда человеческая боль или гнев находили выход в громких словах или слезах, модуль отзывался едва заметным, но чётким скачком.

— Получается, мы не можем отделить науку от людей, — сказала однажды Кира, глядя на график, где всплеск совпадал с моментом, когда начальник отдела кричал на стажёра. Она провела пальцем по линии, будто хотела стереть этот пик, но знала, что стирать нужно не график, а причину. — Эмоции — это энергия. А энергия влияет на реальность.

— Не просто влияет, — тихо добавил Игорь, не отрывая взгляда от экрана. — Она её формирует. Особенно здесь. Особенно рядом с точкой ветвления.

Они начали разрабатывать протокол «Мягкое касание»: он предполагал, что любое вмешательство в работу модуля должно сопровождаться не только расчётами, но и осознанным намерением. Не «я хочу это исправить», а «я понимаю последствия и принимаю их». Это было сложно. Привычка хотеть всё контролировать сидела глубоко, въелась в каждую клетку, в каждое движение пальцев над клавиатурой. Каждый раз, когда стрелка прибора начинала ползти вверх, Кира ловила себя на мысли: «Нужно срочно что-то сделать». И каждый раз она останавливалась, делала глубокий вдох и напоминала себе: спешка — это тоже эмоция. А эмоции — топливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.